

И.Е. Рудакова¹,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕД НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются некоторые результаты междисциплинарных исследований последних лет, необходимость включения этих результатов в контекст экономической теории, отражение в предмете и методе. Новые области междисциплинарных исследований (поведенческой, эволюционной, институциональной экономики и проч.) подвергают сомнению доказательность основных постулатов традиционной экономической теории, предлагают свои концептуальные объяснения ряду экономических феноменов. Это является вызовом, перед которым стоят экономисты — сторонники незыблемости фундаментальных принципов.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, поведенческая экономика, психологические мотивы решений, эволюция научного метода, механизм координации.

I.E. Rudakova,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

THE ECONOMIC THEORY BEFORE NEW CALLS: METHODOLOGICAL ASPECT

The paper looks same results of last years inter-branch science investigations and follow inevitable inclusion the results in context of economic theory. New parts of inter-branch sciences (behavioral, evolutionary, institutional and other economics) doubts of evidence of traditional economic theory main postulates, and offer alternative conceptions for explanation economic phenomena. This is a challenge to economists who maintains of stable fundamentals.

Key words: inter-branch science investigations, behavioral economics, psychological motivation decision, evolution of science method, mechanism of coordination.

Правило научного поединка: опровергнуть теорию может только другая теория.

Дж. Стиглер

В последние годы в экономической науке происходят существенные сдвиги. Развиваются новые сферы знаний, которые еще два-три десятилетия назад научное сообщество не относило к экономической области. Наиболее значимой тенденцией в экономической науке является сегодня развитие *междисциплинарных аспектов*.

¹ Рудакова Искра Евсеевна, докт. экон. наук, профессор кафедры политической экономии экономического ф-та; e-mail: iskrrud@migmail.ru

Следует заметить, что экономической теории никогда не был чужд интерес к междисциплинарным проблемам. Известно, например, как много она заимствовала из *физики*: идеи равновесия, полной занятости, эффективности как краеугольные камни легли в основу фундамента конструкции всей экономической теории. Реальный опыт *геологии* относительно невозобновляемых запасов природных ресурсов стал базой для экономических предпосылок об ограниченности факторов в теории производства, об ограничениях в потребительском выборе. *Биологические* идеи заложены в основание эволюционной теории: приспособление и выживание в конкуренции, роль внешней среды для появления «новых видов» получают объяснение как естественные процессы. *Психологическая* составляющая экономической деятельности людей также в большей или меньшей степени интересовала экономическую теорию практически с самого ее основания. О роли *математики* можно говорить долго. Внедрение формальных методов в экономические исследования, начавшиеся с первых шагов экономической науки², использовались экономистами для выстраивания логики научных концепций, обеспечения их доказательности, для четкого определения структуры экономических взаимодействий.

В стремительно изменяющейся экономике нашего времени многообразные стороны деятельности людей приобрели особое значение. В современном мире материальные результаты экономической активности сильно зависят от нематериальных мотивов, от обстоятельств морального, нравственного порядка, от ожиданий людей, их доверия, ощущений настоящего, прогнозов будущих тенденций и т.д., реальный эффект от которых никак не соответствует объясняющим экономическим моделям, где данные явления отсутствуют. В экономической науке оформились самостоятельные, пограничные с другими дисциплинами разделы — эволюционная экономика, поведенческая экономика, экономическая психология, экспериментальная экономика, экономическая география. Достижения науки в этих разделах способствовали использованию их и в экономической области. Так сформировались внешние причины, объяснявшие интерес экономистов к междисциплинарности.

К междисциплинарным исследованиям подталкивают обстоятельства не только внешнего порядка. Одной из главных причин,

² Появление формальных методов можно отнести уже к созданию Уильямом Пети «политической арифметики» во второй половине XVII в. В знаменитых экономических таблицах Франсуа Кенэ, опубликованных в середине XVIII в., был отражен кругооборот двух встречных потоков — общественных продуктов и доходов. И хотя таблицы сильно упростили структуру экономики, но, представив общественный обмен веществ в схематической форме, они фактически стали первыми попытками макроэкономического моделирования.

побуждающих к поиску «на чужих полях», является *конфликт логики и правдоподобия*, развивавшийся в экономической теории по мере совершенствования ее метода. Строгое следование научной логике, не противоречащее принятым предпосылкам, в ряде случаев приводило к исходам, не соответствовавшим начальным условиям³. Подобное противоречие в экономической теории было замечено давно. Еще А. Маршалл подчеркивал, что строгая логика сильно очищает предмет исследования в ущерб реальности. Другие исследователи также наталкивались на эту методологическую проблему. Так, Й. Шумпетер отмечал, что единообразие рыночного поведения при принятых жестких предпосылках совершенной конкуренции (гомогенность субъектов, полная информация о ценах для всех участников рынка, эффективность от масштаба, минимизация затрат и максимизация прибыли как целевая функция, отсутствие препятствий для доступа к факторам производства и т.д.) неизбежно приводит к различию конечного результата — концентрации производства, возникновению монополии, исчезновению совершенной конкуренции. Образно высказался по этому поводу Д. Норт: экономическая теория, не учитывающая такой факт реальной экономики, как существование транзакционных издержек, изучает «мир, лишенный трения» [Nort, 1981, p. 4–6].

Когда строгость логических доказательств преобладает над правдоподобием теоретической версии, даже если верификация не подтверждает ее состоятельность, тогда несовпадение выводов модели с реальными тенденциями заставляет прибегать к помощи других дисциплин при объяснении экономических «паталогий»⁴. Междисциплинарность подвергает сомнению предпочтение логических доказательств, хотя и помогает найти дополнительные обоснования теоретической версии.

Исследования в области междисциплинарных сфер обострили интерес и к *научному методу*. Междисциплинарный подход ставит экономистов-теоретиков перед необходимостью ответить на следующие вопросы: что добавляет междисциплинарный подход к научному методу? сохраняют ли свое значение базовые «конструкты» экономической теории? выполняет ли сегодня «чистая экономическая теория» роль фундаментального основания новых версий?

При специфичности теоретических подходов трактовка научного метода чрезвычайно важна для понимания содержания любого

³ Заметим, возникновение подобных противоречий по мере развития научной концепции не является «слабостью» только экономической теории. Затруднения такого типа присущи всем развивающимся наукам: их появление, как правило, свидетельствует о начале нового этапа в движении научной мысли.

⁴ Более подробно о внутренних противоречиях логической конструкции по мере развития научной версии см.: [Рудакова, Никифоров, 2013, с. 36–41].

исследования, принадлежащего научной области⁵. Она помогает разобраться в том, как ученый получил свои выводы, какими инструментами он пользовался, достаточно ли достоверен его путь исследования, взялся ли он изучать проблему, которая действительно интересует людей? Знание метода помогает понять замысел, цели и результаты исследования. Метод раскрывает технологию научной работы, позволяет оценить достоверность выводов. Новые междисциплинарные направления пытаются дать объяснения экономического мира без опоры на методы и концепции ортодоксальной теории⁶. Это порождает *вызовы*, перед которыми стоят все исследователи, работающие в области экономической теории.

Экономика — сфера общественной жизни людей, область сложнейших взаимозависимостей, переплетения случайных и системных явлений, непредсказуемости результатов. Экономике невозможно понять, воспринять «сразу» и «всю», требуется «расчленение» наблюдаемой реальности, выделение главного, воспроизведение целой картины из частей и т.д. Эти приемы непреходящи, но расширение предмета ведет к необходимости обновления и метода исследований.

Экономика — особая область, претендующая на оценки, трактовки, комментарии событий, в силу чего ее научная ответственность велика. Все это требует обоснования применяемых приемов исследования. «Самое притягательное в служении науке — это интеллектуальная погоня за новыми идеями, расширяющими горизонты нашего понимания мира... Изучение, каким образом происходит поиск нового знания, само по себе является заслуживающим внимания поиском новых знаний, и мы никогда не прекратим его» [Стиглер, 2004, с. 474].

Метод есть технология научного исследования, и в этом своем качестве он не отделим от предмета исследования. Разговор о методе «вообще», о заданных приемах метода безотносительно к конкретному исследованию представляется бессодержательным. Поэтому далее речь пойдет о новых сторонах метода в связи с изменениями в предмете, а о «новациях» в предмете — в связи с новыми элементами метода.

В связи с этим необходимо конкретизировать некоторые моменты, изложенные выше в общей форме.

Прежде всего следует отметить: поиск ответов на экономические проблемы в пограничных областях (и полученные значимые

⁵ Философский словарь так определяет метод: «Метод — путь исследования, способ достижения какой-либо цели, решения конкретной задачи; совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения (познания) действительности; в философии — способ построения и обоснования системы философских взглядов» (Философский энциклопедический словарь. М., 1983).

⁶ О значении междисциплинарных исследований см.: [Тутов, 2014, с. 101–103].

результаты неэкономическими дисциплинами!) поднимает старую, можно сказать, вечную для нашей науки проблему — *идентификации предмета*. Что должно находиться в центре анализа экономической теории — соотношения производительных сил и производственных отношений или выбор людей из альтернативных целей в условиях ограниченных ресурсов, или спонтанное принятие решений нерациональными субъектами в условиях неопределенности и «психической несостоятельности» субъектов? Очевидно, что на повестке дня — расширение предмета.

Ответ на старый вопрос приобретает актуальность, которая определяется не только потребностями собственно теории. Отсутствие четкой концепции — чисто научная проблема — побуждает чиновников от науки ставить под сомнение целесообразность фундаментальных разработок и вообще существования фундаментальной экономической науки.

Расширение предметных рамок экономических исследований заставляет рассматривать проблему о «*модельной роли*» *базовых конструкций ортодоксальной теории*. Имеются в виду важнейшие принципы и предпосылки, в рамках которых выводятся важнейшие понятия, образующие остов фундаментальной экономической теории — науки об обществе, и сформированные на их основе модели: ограниченность ресурсов, экономический выбор, индивидуальный рационализм, принцип максимизации полезного эффекта; совершенная конкуренция, равновесие. Современные исследования неэкономических факторов деятельности людей, составляющие предмет пограничных дисциплин, снижают доказательность базовых концепций экономики. Это, по мнению автора статьи, и образует основной *вызов*, перед которым стоит фундаментальная экономическая теория сегодня. Следует рассмотреть подробнее некоторые моменты данного вызова.

Пожалуй, наиболее значительные проблемы перед экономической теорией в указанном выше направлении были поставлены *поведенческой экономикой*. Изменение роли человека в реальной постиндустриальной, информационной экономике, понимание его роли в экономике вообще требовало более глубокого анализа *психических и когнитивных* сторон деятельности людей, влияния этих сторон жизни на модели поведения, алгоритм принятия экономических решений. Модель *homo oeconomicus*, удобно ложившаяся в формальные экономические конструкции, перестала соответствовать практической жизни. Основной объект критики в этой модели — главный поведенческий принцип «экономического человека». Хотя до сравнительно недавнего времени (до 1980–1990-х гг.) концепция рациональности человека, максимизирующей полезность, была, по выражению Г. Саймона, главным экспортным товаром

экономической теории в ее обмене с другими социальными науками [Simon, 1978, p. 1–16].

Новые технологии требовали новых принципов организации трудового процесса и управления предприятиями, взаимодействия с потребителем, участия исполнителей и потребителей в принятии решений. Реальность подсказывала: экономику делает многомерный человек, мотивированный не только максимизацией полезного эффекта. Предпочтения, ожидания, ошибки, отношение к ошибкам, к риску и т.д. — все эти непосредственные моменты поведения людей сказываются на решениях и их последствиях. «Неэкономические» явления стали учитываться в предмете экономической теории сначала как развитие принципа рационализма (ограниченный рационализм). Адаптивные ожидания в концепции перманентного дохода и функции предложения (монетаристская версия), инфляционные ожидания при формировании инфляционной спирали, инерция ожиданий при проведении государственной стабилизационной политики и другие подобные факторы вошли как объясняющие переменные в макроэкономические модели.

Поведенческая экономика продолжила исследования роли психологических настроений в экономическом поведении людей. Одновременно появилась необходимость адекватных изменений метода. Если роль человека в формировании экономических отношений столь велика, то возникает вопрос, какое место в реальной экономике, а значит, и в теоретических версиях занимают объективные («железные») законы? Или, в другой редакции, в какой мере поведение людей можно объяснить (предсказать, предвидеть), исходя из заранее заданных экзогенных обстоятельств? В неоклассических и кейнсианских теориях предпочтения принимались в качестве неизменных и заданных извне. Выход из этого внутреннего (теоретического) пазла требует усовершенствовать модель человека, придать ей *многомерность*.

Исследования поведенческой экономики последних лет показали, что *предпочтения людей эндогенны*. Это означает, что они подвержены изменениям и, что еще важнее, они могут формироваться, изменяться «внутри» взаимосвязи людей под действием различных факторов, также воспринимаемых поведенческой моделью как эндогенные. Предпочтения, влияющие на экономические решения человека, могут складываться под действием психологических, не обязательно рациональных соображений, межличностных отношений⁷. Решения принимаются в рамках некоторого соци-

⁷ Зависимость предпочтений людей от обстоятельств, в которых они формируются (теория перспектив), была экспериментально подтверждена основоположниками поведенческой экономики и многолетними соавторами Амосом Тверски и Дэниэлом Канеманом. [Kahneman, Tversky, 1979, p. 263–291].

ального контекста, воздействующего на стимулы, которые в свою очередь воздействуют на предпочтения людей [Боулз, Поланья-Рейес, 2013, с. 24–48].

Если принять эти рассуждения во внимание, то заданные извне объективные обстоятельства (определяемые классической парадигмой как объективные законы) не способны адекватно объяснить поведение субъектов экономики и их следствия без учета психологических, эвристических, просоциальных сторон, а значит, не могут адекватно выполнять прогнозные функции. *Соотношение объективного и субъективного* как философская составляющая метода экономической теории требует нового осмысления.

Поведенческая экономика, поясняющая причины многих явлений субъективными основаниями действий людей, часто удачнее трактует крупные экономические события. Примером может быть кризис 2008–2009 гг. Сильный затяжной спад объясняли множеством причин: ипотечными проблемами и кредитным кризисом, безответственными действиями банков, финансовыми «пузырями», неверными поступками финансовых властей, «плохими институтами» и т.д. С точки зрения поведенческой экономики данный кризис был прежде всего *кризисом доверия*. Снижение кредитования и рост ставок на кредит есть следствие недоверия и возросших рисков. Недоверие инвесторов к действию властей и официальным прогнозам вызывает спад инвестиций, бегство капиталов. Недоверие к действиям банков порождает банковские паники и расстройство денежного обращения.

Недоверие людей часто возникает спонтанно и не может быть точно предсказано экономистами. Это вызывает упреки в их адрес. Но точность предсказаний невозможна. Исправить положение может совершенствование системы взаимоотношения и взаимодействия людей, когда мотивы действий и их последствия становятся хорошо известными, а потому и более прогнозируемыми. Именно этому служит исследование психологических сторон поведения людей в экономике.

Междисциплинарный подход представляет среду экономической деятельности более сложной. Поведение людей формируется в условиях неопределенности, неполной информации. Если к этому добавить наблюдения поведенческой экономики — разнообразие психологических мотивов при принятии решений, свойственную людям нерациональность и т.д., то «спасительная функция» *репрезентативного* субъекта при моделировании макроэкономики теряет свою математическую точность.

Идея *репрезентативной* фирмы была введена в экономическую теорию А. Маршаллом [Маршалл, 1983, с. 403–404]. Для идентификации репрезентативной фирмы были достаточны ключевые моменты ее функционирования: эффективная эксплуатация факторов

производства, эффективное управление, применение преимуществ в конкурентной борьбе, сопоставление расходов и доходов и максимизация этой разницы, использование внутренней и внешней экономии. Определение этих типичных (и необходимых для выживания!) черт позволило не только включить фирму в микроэкономическую рыночную модель, но позже послужило тому, что фирма стала важнейшим логическим связующим звеном при формировании макроэкономики как системного феномена⁸. Субъективные факторы деятельности типичных (репрезентативных) индивидов теперь можно было соединить (суммировать) в макроэкономический результат. С помощью данного понятия стало возможным строить и макроэкономические модели, отражающие поведение индивидуальных субъектов.

Отказ от предпосылки репрезентативности, неизбежный при расширенной трактовке поведения людей и фирм, не прошел бесследно для представлений о функционировании экономической системы. Возникла задача объяснить механизм *координации* в экономическом обмене, где субъекты *нерепрезентативны*, не действует общий принцип оптимизации, нет порядка совершенной конкуренции, отключен стандартный механизм рыночных цен, поскольку максимизация прибыли перестала быть общим мотивом, и т.д. Экономической теории предстоит ответить на этот вопрос, предложить какую-то версию, в противном случае экономисты не смогут не только предсказать, когда наступит очередной кризис, но и толково объяснить, почему общество не распадается, какое «вещество» связывает людей в единой системе.

Проблема координации становится особенно значимой в свете выводов теории коллективных действий [Ostrom, 1990, 2000]⁹, которая рассматривает нерыночные «общинного типа» формы организации обмена между людьми. Готовность людей к взаимодействию не на основе рыночных «правил», а в результате коллективного согласия, склонность к доверию, преследование общих целей были доказаны в результате многолетних экспериментов. Возможность получения выгоды от коллективных действий подсказывала образ действия, обеспечивавший равновесие этой структуре.

⁸ Идея репрезентативности сначала не была оценена современниками А. Маршалла. Но, видимо, после публикации статьи Л. Роббинса [Robbins, 1928] ее поддержали и стали использовать как необходимый прием научного метода. Помимо фирмы это понятие в качестве ключевой характеристики типичного действующего лица рынка распространилось на домашнее хозяйство и его модельную интерпретацию.

⁹ За разработку этой теории Элино́р Остро́м в 2009 г. была присуждена Нобелевская премия. Одна из основных работ Э. Остро́м [Ostrom, 1990]. Феномен самоорганизации в процессе коллективных действий, основанный на взаимном доверии и взаимовыгодной кооперации, рассматривается в статье [Ostrom, 2000].

Но в макромасштабе проблема координации приобретает дополнительные оттенки. С учетом заключений теории коллективных действий (не являющейся субститутом прежних моделей!), современная развитая экономика предстает более сложным *комплексным механизмом* взаимодействия агентов. Она включает:

а) традиционный (управляемый «невидимой рукой») рыночный механизм (по А. Смиту и неоклассикам), не охватывающий (в соответствии с новыми трактовками) всю систему экономических отношений;

б) внутрифирменный механизм административного распределения ресурсов и планового управления внутрифирменными транзакциями (по Р. Коузу);

в) нерыночный механизм кооперативного управления коллективными действиями (по Э. Остром).

Как в этой сложной системе, разные части которой функционируют на основе различных принципов, достигается сходимость всех действий агентов к общему (общественному) результату? Каким образом удастся получить равновесие в системе в целом, без чего трудно объяснить ее самосохранение и воспроизводство? Поиски ответа на указанные вопросы неизбежно заставляют обращаться к фундаментальным основаниям теории.

Ряд теоретических и методологических вопросов ставит перед экономической теорией институциональная экономика. Механизм координации (и рыночной и не рыночной) возможен при наличии социального согласия, условием которого являются *институты*. Значимость институтов также и в том, что они играют роль ориентиров при принятии осмысленных решений не только на микроуровне, но и при проведении макроэкономической политики. Институты задают *контекст* принятия решений не только с точки зрения ограниченной рациональности, но и с точки зрения целого ряда поведенческих мотивов. Они создают «среду обитания» фирм — инвестиционный климат. Именно институты по большей части ответственны за распад бизнесов, утечку капиталов, ограничения в деятельности домашних хозяйств, «ограниченную рациональность» принимающих решения индивидов. Поскольку «экономический обмен веществ» вне институциональной матрицы невозможен, институты могут рассматриваться в теории в качестве предпосылок, а также как понятия и переменные (зависимые и независимые), логически включенные в экономические модели.

Введение институтов в экономические версии поднимает вопрос соотношения позитивного и нормативного анализа. Классическая парадигма (со всеми ее ответвлениями — неоклассикой, новой классикой, новой классикой реального цикла) отрицает возможность нормативных суждений при выработке положений теории. Институциональный подход в значительной мере *нормативен*.

Привычки, правила, нормы создают ограничения для поведения людей (хотя тем самым они его координируют), ставят свободу действий индивида в строгие рамки. И тогда, вместо «экономического человека» появляется «социологический человек», деятельность которого «обстругана» институциональным пространством, что также есть достаточно ограниченное представление о субъекте. П. Вайзе отмечает такую возможную логическую опасность: если в мире все действия координируются нормами и каждый индивид соблюдает эти нормы и приспосабливается к ним, то все люди становятся одинаковы, «понятия, относящиеся к самому человеку, оказываются избыточными», «социологический человек» предстает «тихим квартирантом нормированных помещений» [Вайзе, 1993, с. 117].

Это не может не повлиять на метод, т.е. на выбор базовых переменных, определение предпосылок, логических структур. Теперь базовые предпосылки должны включать некие условия, удовлетворяющие принятым институтам. Формирование институтов можно трактовать как продукт деятельности человека, как *эндогенный* для экономической активности процесс. На роль спонтанно возникающих элементов порядка в свое время обратил внимание Ф. Хайек: «Различные структуры, традиции, институты и другие компоненты этого порядка возникали постепенно как вариации тех или иных привычных способов поведения» [Хайек, 1992, с. 32]. Введение в ткань экономической теории институтов, формирующихся как результат деятельности людей, а не только как объект их приспособления, становится ее ключевой задачей.

Междисциплинарность и выход за границы строго логических аксиоматических моделей поднимает вопрос о *научной целесообразности «чистой»* (точнее, фундаментальной) экономической теории, о ее праве на существование. Должна ли экономическая теория быть самодостаточной, подобно физике, и будет ли она самодостаточной при социологическом, психологическом, биологическом и т.д. «империализме»?

При подключении других дисциплин к предмету экономической теории было бы не верно представлять дело таким образом, что происходит замещение компонентов предмета экономической теории феноменами из других наук. Ошибочно утверждать, что чисто экономические мотивы к труду, инвестициям, прибыли, обмену в новом, обогащенном междисциплинарными идеями, предмете заменяются психологическими, социальными, нравственными стимулами. Явления неэкономического порядка *дополняют* экономические факторы, придают им новую динамику, видоизменяют их форму проявления, но не являются заменой экономических мотивов поведения. Научные новации ведут свое происхождение от фундаментальных конструкторов теории. Более того, именно

фундаментальность положений теории определяет детерминанты отбора научных версий, которые, если их удастся совместить с «фундаментом», будут приняты в качестве новых разделов экономической теории.

Список литературы

Акерлоф Дж., Шиллер Р. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М., 2010.

Алле М. Современная экономическая наука и факты // THESIS. 1994. № 4.

Блауг М. Методология экономической науки или Как экономисты объясняют. М., 2004.

Боулз С., Полян-Рейес С. Экономические стимулы и общественно ориентированные предпочтения: субституты или комплименты? // Вопросы экономики. 2013. № 4.

Вайзе П. Номо Economicus и Номо Sociologicus: монстры социальных наук // THESIS. 1993. Вып. 3.

Капелюшников Р. Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Ч. I, II // Вопросы экономики. 2013. № 9–10.

Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.

Маршалл А. Принципы политической экономии. Гл. XIII. М., 1983.

Рудакова И.Е. Основное течение экономической теории: потенциал и научная критика // Вопросы экономики. 2005. № 9.

Рудакова И.Е., Никифоров А.А. Макроэкономическая теория: проблемы, версии, полемика. М., 2013.

Стиглер Дж. Развитие и достижения экономики. Нобелевская лекция // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков: В 5 т. Т. 5. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов. Кн. 1. М., 2004.

Тутов Л.А. Междисциплинарные исследования экономики и общества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2014. № 1.

Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М., 1992.

Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: an Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47.

Kydland F., Prescott E. Business Cycles: Real Facts and Monetary Myth // Quarterly Rev. 1990. Vol. 14. N 2.

Lucas R.E. On the Mechanics of Economic Development // J. of Monetary Economics. 1988. Vol. 22.

Nort D.C. Structure and Change in Economic History. N.Y.; L., 1981.

Ostrom E. Governing the Commons: the Evolution of Institutions for Collective Actions. Cambridge, 1990.

Ostrom E. Collective Action and the Evolution of Social Norms // J. of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. N 3.

Robbins L. The Representative Firm // Economic J. 1928. September.

Simon H.A. Rationality as Process and as Product of Thought // Amer. Economic Rev. 1978. Vol. 68. N 2.